

Трех
НЕВИННОСТИ

МегаМегафон МегаМегафон

Грех невинности

<https://litres.ru/74672683>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он — богатый, властный хозяин роскошного особняка, привыкший, что весь мир подчиняется его правилам.

Она — простая девушка, дочь уборщицы, для которой его мир всегда был недостижим.

Между ними пропасть из денег, власти и положения в обществе. Но что произойдёт, когда хозяин обратит внимание на ту, на которую даже не должен был смотреть?

И кто в этой опасной игре первым потеряет контроль?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	26
Глава 4	36
Глава 5	48
Глава 6	56
Конец ознакомительного фрагмента.	65

МегаМегафон

Грех невинности

Грех невинности...

Глава 1

Дверь была тяжёлой, из морёного дуба. Светлана прижалась к косяку, боясь дышать. Сквозь резные панели доносились звуки, от которых немели пальцы.

— ...я не понимаю, о чём ты говоришь! — женский голос срывался на плач.

А потом заговорил он. Низко, жёстко, твёрдо — каждое слово как гвоздь:

— Заткнись. Завтра в девять утра отвезите её в частную клинику. Сделают аборт. И на поезд — в свою деревню. Чтобы я её больше никогда не видел.

Света зажала рот ладонью.

Дверь распахнулась, мимо пробежала рыдающая блондинка. Света смотрела ей вслед, потом перевела взгляд на свои руки. Они дрожали. А в правой, зажатой так, что побелели костяшки, был тест. Две полоски.

И тут время остановилось. Света провалилась в воспоминания — ровно на месяц назад, в тот день, когда всё началось.

Тридцать дней назад

Она шла по ночной дороге уже больше часа. За спиной — рюкзак, в который она накидала всё, что успела схватить. Впереди — темнота, пустое шоссе и никаких фар.

Вот уже полтора часа, как она вылетела из особняка. Сна-

чала — через чёрный двор, потом — через калитку, потом — быстрым шагом по тихому переулку, а когда поняла, что никто не догоняет, сбавила скорость и просто пошла. В сторону города. К вокзалу. К любой скамейке, где можно досидеть до утра.

Машины не попадались. Только ветер, только редкие фонари и собственная тень, которая вытягивалась вперёд, а потом сжималась под ногами.

Воспоминания о том, что случилось час назад, всё ещё жгли изнутри.

Она пробыла в особняке три дня. Мать попросила — «всего десять дней, Света, пока общежитие не откроется». Надежда Павловна работала в этом доме уже семь лет, получала хорошие деньги, жила в чистой отдельной комнате с окном. Она не бедствовала. Она просто хотела побыть с дочерью — наговориться, накормить домашним, почувствовать, что они рядом, как раньше в деревне.

Хозяин разрешил. Коротко, без лишних слов: «Делайте что хотите, Надежда Павловна. Вы не обязаны меня спрашивать». И забыл.

Первые три дня Света его почти не видела. Она помогала матери — мыла полы, протирала пыль, гладила бельё. Делала всё тихо, аккуратно, чтобы не попадаться на глаза. Он для неё был просто голосом из кабинета или тенью в конце коридора. Они ни разу не пересеклись.

На третий день под вечер мать попросила:

— Света, выручай. В погреб надо, за вином. Я с пирогами

— не могу отойти.

— Конечно, мам.

Она взяла ключ, спустилась. В погребе пахло сыростью и старым деревом. Света нашла нужную полку, потянулась за бутылкой — и в этот момент дверь наверху скрипнула.

Она обернулась.

На ступеньках стоял он. В рубашке с закатанными рукавами, расстёгнутой на груди. Глаза тёмные, тяжёлые. Он смотрел на неё так, будто она вошла в его личное пространство, и это его бесило.

— Ты кто? — спросил глухо.

Света сглотнула. Сердце забилося где-то в горле.

— Я Света.

— Какая, на хрен, Света? — Он шагнул вниз. — Как ты сюда попала?

— Я дочка вашей домработницы. Надежды Павловны. Вы разрешили мне остаться.

Он нахмурился, вспоминая. Потом вдруг схватил её за локоть и потащил вверх по лестнице. Света спотыкалась, пыталась не упасть — он тащил не оглядываясь. Через коридор, через холл. Она слышала только стук своих каблучков и его тяжёлое дыхание.

В гостиной он резко толкнул её вперёд. Света не удержалась — упала на колени. Слезы хлынули сами собой, но она сжала зубы.

— Надя! — крикнул он так, что люстра задрожала.

Мать выбежала из кухни, вся белая, с полотенцем в руках.

Увидела дочь на коленях — и бросилась к ней.

— Простите, Игнат Михайлович! Простите, ради бога!

Она не хотела, она просто...

— За что ты извиняешься, мама? — Света подняла голову, вытирая слёзы тыльной стороной ладони. Голос дрожал, но в нём уже звенело что-то твёрдое. — Я ничего не сделала.

— Молчи! — мать замахала руками.

— Я просто зашла в погреб за вином! — Света с трудом встала, колени болели. — Ты сама меня попросила! Я не воровала, не ломала! За что ты извиняешься?

Мать схватила её за плечи, пытаясь успокоить, но Света мягко, но твёрдо отстранилась.

— Надежда Павловна, — голос хозяина прозвучал ледяной плитой, — что здесь происходит? Почему я не в курсе, что в моём доме посторонние люди разгуливают как у себя?

— Вы... вы же разрешили, — прошептала мать. — На прошлой неделе. Вы сказали, что даже не надо было об этом спрашивать.

Он замолчал. Смотрел на мать, потом на Свету. В глазах что-то мелькнуло — он вспомнил. Лицо осталось каменным, но Света заметила эту короткую тень узнавания.

Она повернулась и пошла к выходу.

— Света! — крикнула мать.

— Я не останусь здесь, мам.

Забежал в комнату, схватила рюкзак набросала свои вещи.

Она вышла через чёрный ход во двор. Мать бежала за ней, звала. У калитки Света обернулась, посмотрела матери прямо в глаза — и сказала тихо, но твёрдо:

— Иди в дом. Я сама разберусь. Я не пропаду. Ты же меня знаешь.

Она уже хотела отвернуться — и вдруг краем глаза заметила в окне второго этажа фигуру. Он стоял, руки в карманах брюк, глаза бешеные — такие злые, что у неё внутри всё оборвалось.

Но Света выдержала этот взгляд. Секунду. Две. Потом подняла подбородок повыше — и шагнула за ворота.

Вот теперь она шла по пустой ночной дороге. Город остался где-то сзади, впереди — только темнота и редкие кусты вдоль обочины.

Машин не было. Ни одной.

Света почти не смотрела по сторонам — шла и прокручивала в голове этот вечер. Его хватку. Материны извинения. Свой страх. И ту секунду, когда она посмотрела ему в глаза и не отвела взгляд.

Она сделала это. Она не сломалась.

— Ну и правильно, — пробормотала она себе под нос. — Ничего не случилось. Переночую на вокзале, завтра позвоню в общежитие...

Сзади слышался звук мотора.

Света машинально шагнула на обочину, не оборачиваясь. Мимо проехала машина — большая, чёрная, дорогая. Она проехала и вдруг затормозила метрах в двадцати впереди. Остановилась.

Света не смотрела в ту сторону. Она опустила голову и продолжала идти, думая о своём. О матери. О том, что завтра надо купить билет. О том, что в рюкзаке осталось три тысячи рублей.

Она почти поравнялась с машиной, когда стекло на водительской двери бесшумно опустилось.

Света не повернула голову. Прошла мимо.

— Сядь в машину.

Голос низкий, спокойный, с приказными нотками. Она узнала его сразу — этот голос звучал в гостиной полтора часа назад.

Света остановилась. Медленно повернулась.

За рулём сидел водитель — незнакомый мужчина в чёрной куртке, он смотрел на неё с лёгким удивлением, как на невиданную зверушку. А на заднем сиденье — он. Игнат Михайлович. Полулежал, закинув ногу на ногу, и смотрел на неё сквозь тонированное стекло внимательно, тяжело.

— Спасибо, — сказала Света ровно. — Я обойдусь.

И пошла дальше.

Она слышала, как машина сзади тронулась. Как проехала вперёд. Как снова остановилась — уже метрах в тридцати. Но она не смотрела. Шла, глядя прямо перед собой.

Краем глаза увидела: дверь машины открылась, он вышел. Сделал короткий жест рукой — и водитель, поняв без слов, кивнул и остался на месте, захлопнув дверь.

Игнат Михайлович закурил. Прислонился к капоту. Ждал.

Она прошла мимо. Не посмотрела на него. Просто прошла — как мимо столба, как мимо дерева.

— Стоять.

Голос резанул по нервам. Света остановилась, но смотрела не на него — в темноту перед собой. Он докурил, бросил окуроч, растоптал носком дорогого ботинка. Подошёл. Встал так, что она волей-неволей видела его плечо, его руку, засунутую в карман брюк.

— Ты кто такая? — спросил он тихо, с непонятной интонацией.

Света медленно повернула голову. Посмотрела ему в глаза. В темноте они казались почти чёрными.

— В каком смысле? — спросила она спокойно.

— В прямом. Ты кто такая, что смеешь вести себя так со мной?

Она посмотрела на него сверху вниз — он был выше, но она выпрямила спину так, что почти сравнялась. Взгляд не отвела. Внутри всё дрожало, но голос прозвучал твёрже, чем она ожидала:

— Я? Я никто. И вы для меня никто, чтобы я вам отвечала.

Он усмехнулся. Коротко, хрипло. Как будто она его удивила.

— Сядь уже в машину, — сказал он уже другим тоном, без приказа. Почти устало. — Мать волнуется. Я забыл про тебя, а потом вспомнил.

— Спасибо, я пешком.

— Света.

Он произнёс её имя так, будто пробовал на вкус. Она не дрогнула.

Неожиданно он сделал шаг, схватил её за лямку рюкзака, дёрнул — и Света, потеряв равновесие, полетела спиной в открытую дверь машины. Рюкзак придавил её к сиденью. Она не успела ни вскрикнуть, ни возмутиться — он уже скользнул следом, захлопнул дверь и бросил водителю:

— Поехали.

Света сидела, вжавшись в кожаную обивку, тяжело дыша. Рюкзак сдавил плечи. Она попыталась высвободиться — он не глядя положил тяжёлую ладонь ей на колено. Не больно. Просто — тяжело.

— Не дёргайся, — сказал он спокойно. — Всё равно не убежишь.

Она посмотрела на его руку. Потом ему в лицо. Он не смотрел на неё — смотрел в окно, на проплывающие фонари. И улыбался краем губ. Так, что Свете стало по-настоящему страшно.

Не за себя. За то, что произойдёт дальше.

Машина свернула к знакомым кованым воротам.

Настоящее. Коридор особняка.

Света вынырнула из воспоминаний, как из ледяной воды. Сердце колотилось где-то в горле. Тест с двумя полосками всё ещё был зажат в кулаке.

Да. Всё было именно так. Она показала характер — и он это запомнил. Наверное, именно поэтому и забрал её тогда с дороги. Не потому, что мать волновалась. Потому что она посмела посмотреть на него сверху вниз, а он не привык, чтобы на него так смотрели.

Потом были другие дни. Страшные. Запретные. О которых она не могла думать без тошноты и стыда.

А теперь — тест. Две полоски.

За дверью кабинета затихли шаги. Кто-то прошёл по коридору — тяжёлый, уверенный шаг.

Света сунула тест в карман джинсов, выпрямила спину, как тогда на дороге, и медленно повернулась.

В конце коридора, в полумраке, стоял он. Игнат Михайлович. Смотрел прямо на неё.

— А ты чего здесь забыла? — спросил он ледяным тоном.

Света молчала. Карман жёг. Дыхание перехватило.

— Я... я искала маму, — выдавила она.

Он усмехнулся. Той же усмешкой, что тогда, на дороге.

— Врёшь.

И шагнул к ней.

Глава 2

Настоящее .

Света уже собралась уходить — сделала шаг к чёрной лестнице, когда из-за угла, бесшумно, как тень, вышел он.

Она замерла. Сердце пропустило удар, потом забилось где-то в горле, тяжёлое, гулкое, как набат.

Он остановился в трёх шагах. В тёмном домашнем свитере, с влажными после душа волосами — только что мылся, пахло от него дорогим гелем и тем особым мужским запахом, от которого у Светы внутри всё переворачивалось. Он смотрел на неё холодно. Отстранённо. Как на неодушевлённый предмет — на кресло, на лампу, на пятно на паркете.

— Чего тебе? — спросил он низко. Без злости. Без интереса. Просто — констатация факта: ты здесь, я тебя вижу, объяснись.

Света сглотнула. Во рту пересохло так, что язык прилип к нёбу. Она чувствовала каждую клеточку своего тела — как дрожат пальцы, как холодок ползёт по позвоночнику, как под ложечкой сосёт от страха. Но голос, когда она заговорила, прозвучал почти ровно:

— Я... это я. К маме.

Он чуть склонил голову набок. Глаза — тёмные, непроницаемые — скользнули по её лицу, задержались на губах, потом на шее, потом снова поднялись к глазам. Этот взгляд был

как прикосновение — грубое, бесцеремонное, от которого хотелось то ли убежать, то ли, наоборот, шагнуть вперёд.

— У моего кабинета, — сказал он медленно, чеканя каждое слово. — Что забыла?

— Я её ищу, — ответила Света. — Маму.

Он помолчал. Несколько секунд — бесконечных, тягучих, как расплавленный воск. Смотрел на неё так пристально, что Света почувствовала, как её щёки заливает жаром. Она не могла понять — ей это кажется или он действительно пожирает её взглядом? Каждую морщинку на блузке, каждый непослушный волосок, каждое движение её грудной клетки, когда она дышит.

— Тебе есть что мне сказать? — спросил он вдруг.

Вопрос повис в воздухе, тяжёлый, как свинцовая завеса.

Света почувствовала, как тест в кармане джинсов жжёт кожу через ткань. Две полосы. Секунда — и она может всё рассказать. Увидеть его лицо. Узнать, что будет дальше — пощадит или раздавит, как ту блондинку Настю.

Она сжала пальцы в кулак и сказала:

— Нет.

Ни один мускул не дрогнул на его лице. Но что-то в его глазах изменилось — стало острее, голоднее. Он смотрел на неё так, будто раздевал. Будто знал каждую родинку на её теле. Будто помнил ту ночь — каждое её движение, каждый сдавленный всхлип.

Света хотела отвести взгляд — но не смогла. Стояла и

смотрела в ответ, понимая, что проигрывает эту безмолвную дуэль, но сдаваться не собиралась.

— Я... я уезжаю завтра, — выдавила она, чтобы заполнить тишину. Чтобы он перестал на неё так смотреть.

— А учёба? — спросил он с лёгкой, почти небрежной насмешкой. И тут же, не дожидаясь ответа, пожал плечом. — Хотя мне какое дело.

Он развернулся и пошёл к лестнице. Света выдохнула — такой глубокий, полный выдох, что закружилась голова. Колени тряслись. Она прислонилась к стене, прикрыла глаза на секунду.

— Света.

Она вздрогнула. Он стоял уже на первой ступеньке, но обернулся. Лицо в полумраке — половина в тени, половина подсвечена тусклым бра. Глаза блестят.

— Если что-нибудь понадобится, — сказал он негромко, почти ласково, отчего мурашки побежали по спине, — ты знаешь, где меня искать.

И ушёл наверх, не оборачиваясь. Света слышала его шаги — уверенные, тяжёлые — и как хлопнула дверь спальни. Потом тишина.

Она сползла по стене, присела на корточки, уткнулась лицом в колени. Сердце колотилось где-то в ушах. «Если что-нибудь понадобится»... О господи. Ей сейчас нужна была только одна вещь — чтобы он никогда не узнал про ребёнка. Но она чувствовала: он уже что-то подозревает. Отсюда этот

взгляд. Эти вопросы.

Через минуту в кармане завибрировал телефон.

Света достала его, разблокировала экран — и онемела.

Уведомление от банка: «Поступление: +150 000 руб. Отправитель: Игнатов И.М.»

Она уставилась на цифры, не веря своим глазам. Сто пятьдесят тысяч. Она таких денег в руках никогда не держала. В деревне за год столько не зарабатывали. Что это? Плата за молчание? Откуп? Забота? Или просто жест — смотри, я могу, я всё могу?

Пальцы сами нажали на кнопку перевода обратно. Зависли над кнопкой «Отправить». Света смотрела на экран, на эти нули — и вдруг представила: платная клиника, десять тысяч. Анализы, лекарства, если что-то пойдёт не так. Ей даже доехать до города не на что. Мать пришлёт ещё пять — но это её кровные, её пенсия.

Света убрала телефон. Не отправила.

Стыд обжёг щёки — но она заставила себя не думать об этом. Не сейчас. Потом. Когда-нибудь она вернёт каждую копейку. Каждую. А пока — это не её деньги. Это деньги для ребёнка. Того, кого она, возможно, не оставит.

Она поднялась, поправила выбившуюся прядь волос и пошла к комнате матери.

Воспоминание. Тот же вечер, месяц назад.

Тогда всё было иначе.

Машина остановилась у кованых ворот. Водитель вышел,

открыл дверь. Игнат Михайлович выбрался первым, даже не взглянув на Свету. Сделал знак водителю — и тот кивнул, сразу ушел куда-то по своим делам.

— Выходи, — бросил он через плечо.

Света выбралась из машины, сжимая лямки рюкзака. Ноги затекли, спина болела — она просидела на заднем сиденье, вжавшись в дверь, всю дорогу, стараясь не касаться его даже случайно. Он не смотрел на неё. Курил, открыв окно, и молчал.

В дом зашли через парадный вход — в первый и последний раз. Света ступала по мраморному полу босиком — её кроссовки остались там, на дороге, когда он закинул её в машину, она даже не успела обуться. Холод пробирал до костей, но она не жаловалась.

— Надя! — позвал он громко, и голос разнёсся по особняку, ударился о высокие потолки.

Мать выбежала из кухни. Увидела дочь — босую, растрёпанную, с красными глазами, в рюкзаке за спиной — и лицо её стало белым, как бумага.

— Господи, Света... — она кинулась к ней, обхватила за плечи. — Что случилось? Что ты... как ты...

— Всё в порядке, мам, — тихо сказала Света, погладив мать по руке. — Я... я просто решила уйти. А он догнал.

— Я же просила тебя не высовываться! — зашептала мать, быстро-быстро оглядываясь на хозяина. Он стоял в стороне, прислонившись к дверному косяку, и наблюдал за ними спо-

койно, как за спектаклем.

— Игнат Михайлович, — мать выпрямилась, повернулась к нему. Голос дрожал, но звучал твёрдо — она знала, что должна сказать это. — Спасибо вам большое, что привезли её. Вы её больше не увидите, я обещаю. Извините, пожалуйста, за беспокойство.

Она поклонилась — низко, как умела, с достоинством старой прислуги, которая знает себе цену.

Игнат Михайлович молчал. Смотрел то на мать, то на Свету. Тяжело, долго, непроницаемо. Света подняла на него глаза — и снова попала в этот взгляд. В нём не было ничего — ни злости, ни благодарности, ни сожаления. Стекло. Пустота.

— Кофе мне в кабинет, — сказал он наконец.

— Хорошо, сейчас принесу, — Надежда Павловна кивнула, схватила Свету за руку и почти силком утащила на кухню.

В кухне пахло пирогами и корицей. Мать заметалась — схватила турку, насыпала молотый кофе, поставила на плиту. Руки дрожали. Света села на табурет, обхватила себя руками, пытаясь согреться. Холод уже ушёл, но внутри всё равно трясло.

— На вот, надень, — мать бросила ей шерстяные носки из шкафчика. — Где обувь?

— На дороге осталась. Он меня... в машину закинул.

Мать закрыла глаза на секунду, будто молясь. Потом сняла с плиты турку, разлила кофе в тонкую фарфоровую чаш-

ку — ту, из сервиса, который хозяин сам привёз из Италии.

— Неси, — кивнула она Свете. — Только осторожно, чашка дорогая.

— Мам, я отнесу? — удивилась Света.

— Я сама. Ты сиди, отдыхай.

Она взяла поднос, шагнула к двери — и в этот момент её нога скользнула на кафеле. Поднос качнулся, чашка накренилась, горячий кофе тёмной струёй хлынул на руку матери, на её форменную блузку, на передник.

— Ай! — мать отдёрнула руку, поставила поднос на стол. Кожа на запястье мгновенно покраснела, вздулась волдырём.

— Мам! — Света вскочила, схватила её за руку. — Сильно? Давай под холодную воду!

— Всё, всё, ничего страшного, — мать морщилась, но пыталась улыбнуться. — Боже, какая я неуклюжая. И чашку жалко, и кофе...

— Ничего не жалко, — Света подвела её к раковине, включила холодную воду. — Стоять, не дёргайся.

— Света, мне надо кофе отнести, он ждёт, — мать пыталась вырвать руку.

— Я отнесу.

— Нет-нет, вдруг он разозлится! Он не любит, когда кто-то чужой в кабинет заходит без спроса. Я сама, сейчас мазь какую-нибудь найду и...

— Мам, — Света повернула её к себе, заглянула в глаза. Спокойно, твёрдо, как говорят с детьми, которые боятся тем-

ноты. — Он простой человек. Он не монстр. Он должен понять, что ты не просто так не принесла кофе. Ты обожглась. С кем не бывает.

— Света, ты не знаешь его, он может...

— А ты знаешь? — перебила Света. — Ты работаешь на него семь лет и боишься сказать лишнее слово. Может, пора перестать?

Мать замолчала. Посмотрела на дочь долгим, усталым взглядом — и вдруг кивнула.

— Хорошо. Только... — она достала из ящика чистую салфетку, вытерла пролитый кофе со стола. — Только извинись за меня, ладно? Скажи, что я случайно. И глаза не поднимай, когда будешь с ним говорить. Стой смирно, не перечь, и всё будет хорошо.

Света хотела возразить — но не стала. Взяла турку, налила свежий кофе в другую, точно такую же чашку, поставила на поднос. Посмотрела на своё отражение в закопчённом окне — бледное, испуганное, но с горящими глазами.

— Иду, — сказала она и вышла из кухни.

Коридор тянулся бесконечно. Каждый шаг гулко отдавался в тишине. Света поднялась на второй этаж, прошла мимо портретов в золочёных рамах, мимо хрустальных бра, мимо тяжёлых портьер, за которыми угадывались ночные окна.

Дверь кабинета была приоткрыта. Она постучала — три коротких, тихих удара.

— Можно? — спросила она, чуть повысив голос.

— Войдите, — ответили изнутри.

Она толкнула дверь.

Кабинет оказался огромным — стены в книжных шкафах от пола до потолка, огромный письменный стол из тёмного дерева, кожаные кресла. На стене — картина, которую Света не узнала, но почувствовала: дорогая. И запах — кофе, табак, кожа — очень мужской, плотный, от которого перехватывало дыхание.

Он сидел за столом, листал какие-то бумаги. Даже не поднял голову, когда она вошла.

Света поставила поднос на край стола, аккуратно переставила чашку поближе к нему.

— Извините, — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Моя мама говорила, что вы больше не увидите меня, но... она обожглась. Руку горячим кофе. Вот поэтому я принесла вам кофе. Я надеюсь, ничего серьёзного.

Он поднял голову. Посмотрел на неё — поверх очков, которые надел, видимо, для чтения. Вблизи, при свете настольной лампы, его лицо казалось другим — не таким каменным. Уставшим. С морщинками у глаз, которых она раньше не замечала.

— Давно прошло? — спросил он. Голос — ниже, чем обычно, без металлической ноты.

— Что?

— Ожог. У Надежды Павловны.

— А... нет, только что. — Света пожала плечами. —

Несколько дней — и пройдёт. Кожа красная, но волдырь маленький. Я завтра мазь куплю.

Он кивнул. Отодвинул бумаги, взял чашку, сделал глоток. Не поморщился — значит, кофе был хороший.

— Вам что-нибудь ещё надо? — спросила Света, чувствуя, что должна уйти, но ноги не слушаются. Стоят на месте, как вкопанные.

— Нет, — он смотрел на неё поверх чашки. — Можете отдыхать.

— Хорошо. Спокойной ночи.

Она развернулась и пошла к выходу. Три шага. Два. Один. Рука уже легла на дверную ручку, когда Света почувствовала — не сейчас. Не могу уйти. Скажи. Скажи то, что хочешь сказать уже целую вечность.

Она обернулась.

Он всё ещё смотрел на неё. Чашка застыла в воздухе у губ. В глазах — странное выражение, которое она не умела читать. Может, удивление. Может, ожидание. Может — голод.

— Вы... — начала Света и запнулась. Сердце колотилось так, что она слышала его в ушах. — Вы не будете злиться, если будете видеть меня здесь? Я бы хотела помогать маме по хозяйству. Пока живу у неё. Она устаёт, а я умею гладить, убирать, мыть посуду. Я не буду вам мешать. Обещаю.

Он поставил чашку. Снял очки. Медленно, как будто делал это нарочно, чтобы она видела каждое движение — как он складывает дужки, как кладёт их на стол, как проводит

пальцем по переносице.

— Помогай, — сказал он наконец. Просто. Обыденно, как о погоде. И добавил тише: — Только в мой кабинет не заходить. Это моя территория.

Света кивнула. Сердце забилося чаще — не от страха, нет. От чего-то другого, чему она боялась дать имя.

— Спасибо, — выдохнула она.

Он смотрел на неё. В упор. Тяжело. Неотрывно. Света чувствовала этот взгляд каждой клеточкой — как щекой чувствуют жар от печки. Он пожирал её глазами — губы, шею, ключицы, грудь под тонкой блузкой, и обратно — в глаза. Долго. Очень долго. Она стояла, не дыша, не в силах пошевелиться, не в силах отвести взгляд.

Тишина звенела, как струна, которую вот-вот перережут. — Можешь идти, — сказал он. Голос сел, стал хриплым.

Света вышла в коридор. Прислонилась спиной к стене, закрыла лицо ладонями. Сердце выскакивало из груди — не от страха. От того, что она чувствовала то же самое, что тогда, в погребке, когда он прижал её к стене. Те же мурашки, то же головокружение, ту же странную, запретную тягу — к нему. К мужчине, который был вдвое старше, который был хозяином, который вышвыривает женщин, стоило им забеременеть.

«Господи, — прошептала она, сползая по стене на корточках. — Господи, что со мной не так?»

Она не знала тогда, что через месяц будет стоять в этом

же коридоре, сжимая в кармане тест с двумя полосками.

И знать не хотела.

Но судьба уже всё решила за неё.

Глава 3

Утро. Особняк. Задний двор.

Света проснулась рано — солнце только начало золотить верхушки деревьев за окном, а в комнате матери уже никого не было. Надежда Павловна, как всегда, хлопотала по дому с шести утра.

Света потянулась, скинула одеяло и поняла, что спать больше не хочет. На стуле у кровати лежало чистое бельё — вчера мать нагладила стопку простыней и полотенец, но так и не развешанные тоже стояли.

«Сама развешу, — подумала Света. — Маме меньше работы».

Она не стала переодеваться. Кто её увидит на заднем дворе в шесть утра? Только птицы да старый кот, который грелся на солнце у забора. На ней была белая ночная рубашка — длинная, до бедра, из тонкого хлопка, с кружевом по вырезу. Волосы распущены, падают по спине ниже лопаток, прикрывают ягодицы. Босая. Свежая после сна, с ещё сонными, тёплыми глазами.

Она взяла таз с бельём, выскользнула через чёрный ход на задний двор.

Воздух был прохладным, но солнце уже пригревало. Света подошла к верёвке, закреплённой между двумя старыми яблонями, и начала развешивать — простыни, наволочки,

махровые полотенца. Работа спорилась. Она тянулась вверх, зацепляла прищепки, и каждый раз, когда поднимала руки, рубашка задиралась, открывая длинные стройные ноги выше колена, выше бедра — туда, где белая ткань уже почти ничего не скрывала.

Она не думала об этом. Ей было легко и радостно — утро, солнце, тишина, мама рядом. Света развесила последнюю простыню, выпрямилась, откинула голову назад, закрыла глаза и потянулась всем телом к небу — руки вверх, пальцы растопырены, лицо подставлено первым лучам.

Улыбнулась. Сама себе. Сама этому утру.

И открыла глаза.

Он стоял на балконе второго этажа. В тёмном халате, с чашкой кофе в руке. И смотрел на неё.

Света замерла. Сердце пропустило удар, потом забилось где-то в горле, часто и гулко. Как давно он там стоит? Сколько времени он за ней наблюдал? Минуту? Пять?

Если вчера в кабинете ей показалось, что он пожирает её взглядом — то сейчас нет. Не показалось.

Он смотрел на неё так, будто раздевал. Будто видел каждую линию её тела под тонкой белой тканью. Взгляд скользнул по её лицу, задержался на губах, опустился на шею, ключицы, грудь — и ниже, туда, где рубашка задиралась, когда она тянулась. И обратно — в глаза. Медленно. Тяжело. С голодом, от которого у Светы подкосились ноги.

Она опустила глаза. Рванула рубашку вниз, хотя та и так

уже была на месте. Схватила пустой таз и, не оборачиваясь, почти побежала к чёрному ходу.

Ей показалось — или она действительно услышала за спиной короткий, хриплый смешок?

Он усмехнулся.

Света влетела в дом, захлопнула дверь, прислонилась к косяку спиной, прижимая таз к груди, как щит. Сердце колотилось так, что она слышала его в ушах. Щёки горели, дыхание сбилось.

«Что это было? — пронеслось в голове. — Почему он так смотрит? Почему я не могу... почему у меня ноги трясутся?»

Она постояла так минуту, другую, потом взяла себя в руки, убрала таз в кладовку и пошла в комнату. Переоделась в джинсы и толстовку — высокий ворот, чтобы шею спрятать. Не потому что было холодно. Потому что чувствовала его взгляд на своей коже — до сих пор.

— Ты чего такая красная? — спросила мать, когда Света зашла на кухню. — Бельё развесила?

— Да, мам. Всё развесила.

— Хорошо. Слушай, Света, — мать вытерла руки о полотенце и посмотрела на дочь внимательно, строго. — Ты часто не появляйся перед хозяином, ладно? Даже если он и разрешил. У нас есть свои обязанности, свои комнаты. Лишний раз лучше не попадаться на глаза.

Света кивнула. Слишком быстро.

— Хорошо, — сказала она и отвернулась к плите, делая

вид, что разогревает чайник. — Так даже лучше.

Мать ничего не ответила — ушла в столовую накрывать на завтрак.

За утро Света больше не видела его ни разу. Она не выходила из комнаты — сидела, гладила бельё, слушала, как за стеной ходят другие слуги. Их было немного: Надежда Павловна — старшая домработница, две девушки-уборщицы — одна совсем молоденькая, Зоя, лет двадцати, с веснушками и вечной улыбкой, другая постарше, Лидия, молчаливая и серьёзная. Повар — тётя Галя — гремела кастрюлями на кухне и ругалась с продуктами вполголоса.

Зоя заглянула к ним в комнату — принести чистые тряпки — и увидела Свету.

— О, новенькая? — спросила она с любопытством. — А я думала, Надежда Павловна одна живёт.

— Я дочка, — улыбнулась Света. — Погостить приехала. Помогаю маме, чем могу.

— Хозяин не ругается?

— Он разрешил.

— Повезло тебе, — Зоя понизила голос. — Он вообще-то строгий. Я полгода работаю, а боюсь до сих пор. Как увижу в коридоре — сразу к стене прижимаюсь и молюсь, чтобы не заметил.

— А что он сделает?

— Не знаю, — Зоя пожала плечами. — Просто боюсь. Глаза у него тяжёлые. Как гипнотизирует.

Света кивнула, не отвечая. Она знала эти глаза. Утром на балконе они гипнотизировали. И ей это почему-то не мешало — пугало, но не отталкивало.

Около одиннадцати Света выглянула в окно и увидела, как он вышел из дома. В тёмном костюме, с портфелем в руке. Сел в чёрную машину — ту самую, в которой он вёз её вчера — и уехал, даже не взглянув на окна.

Света выдохнула с облегчением. И тут же поймала себя на мысли, что внутри что-то ёкнуло — разочарование? Не может быть.

День потянулся медленно. Она помогала матери — мыла посуду, протирала пыль в гостиных, поливала цветы. Без него дом казался больше и тише. Света даже успела подружиться с Зоей — они вместе смеялись над чем-то на кухне, пили чай с печеньем.

К вечеру Света валилась с ног. Непривычная работа дала о себе знать — ныла спина, гудели ноги. Она еле дождалась ужина, быстро перекусила с матерью в их комнате и рухнула на кровать.

— Устала? — спросила Надежда Павловна, поправляя одеяло.

— Очень, — пробормотала Света, уже закрывая глаза. — Но хорошо.

Мать поцеловала её в макушку, выключила свет и скоро засопела рядом.

А Света не спала.

Она лежала с открытыми глазами и смотрела в потолок. Перед глазами стоял он. На балконе. С чашкой кофе. Как он смотрел на неё — медленно, раздевая взглядом, как будто она была не девчонкой в ночной рубашке, а... неважно.

Она перевернулась на бок, потом на живот. Закрыла глаза. Открыла. Встала, попила воды из графина — вода была тёплой и противной. Легла снова.

Время тянулось бесконечно. Света смотрела на часы — половина первого. Мать спала крепко, лицом в подушку, дышала ровно.

В два ночи Света поняла, что не заснёт.

Она тихо, на цыпочках, выскользнула из комнаты. На ней была та же белая ночная рубашка — больше нечего было надеть, мать постирала её джинсы. Волосы распущены, длинные, почти до пояса. Босая.

Коридор тонул в полумраке — только тусклые ночники у стен давали призрачный свет. Света прошла бесшумно, как тень, стараясь не скрипнуть половицей.

Кухня встретила её запахом лимона и мыла. Здесь было темно — только маленький светодиод на вытяжке горел тусклой красной точкой. Света нащупала ручку холодильника, открыла.

Холодный белый свет ударил в лицо, и на секунду она зажмурилась. Потом открыла глаза, достала бутылку с холодной водой — стеклянный графин, который мать наполнила утром — перелила в стакан. Прижала стакан к губам и пила

жадно, большими глотками, чувствуя, как ледяная вода течёт по горлу, по груди, как капли скатываются по подбородку на шею, в ложбинку между ключицами.

Она выдохнула, наполнила стакан. Поставила графин обратно в холодильник, закрыла дверцу.

Темнота сомкнулась вокруг снова.

Света протянула руку к столу, чтобы взять свой стакан — и в этот момент из темноты раздался голос. Низкий, спокойный, чуть хриплый со сна — или с вина.

— Не спится.

Света вскрикнула. Коротко, гортанно — как зверёк, которого схватили за хвост. Потом зажала рот обеими ладонями, прижалась спиной к холодильнику. Сердце ухнуло в пятки и оттуда прыгнуло обратно в горло.

Она стояла, часто дыша, привыкая к темноте. И постепенно начала различать.

В углу кухни, за большим обеденным столом, сидел он. В тёмной футболке, без пиджака, с закатанными рукавами. Перед ним — бокал красного вина, почти пустой, бутылка, и тарелка с нарезанным сыром, к которой он даже не притронулся.

Он смотрел на неё. В темноте глаза блестели — она видела этот блеск, даже не видя лица.

— Вы меня напугали, — выдохнула Света, убирая ладони от рта. Голос дрожал — она слышала это.

— Чего ты испугалась? — он взял бокал, сделал глоток,

не сводя с неё глаз. — Сюда никто не проникнет. Даже если и захочет — без моего ведома.

Она сглотнула. Тяжело, вязко, как будто глотала не слюну, а страх.

— Спокойной ночи, — сказала она коротко.

Не дожидаясь ответа, она потянулась к столу за стаканом. Ей нужно было уйти. Сейчас. Немедленно. Пока сердце не выпрыгнуло из груди и не забилось в агонии на кафельном полу.

Он встал.

Света даже не услышала, как он поднялся — просто вдруг поняла, что он уже не сидит, а стоит. И движется к ней. Не быстро. Медленно, как хищник, который знает, что жертва никуда не денется.

Она попятилась. Спиной упёрлась в холодильник. Холодный металл обжёг кожу через тонкую ткань рубашки. Дальше отступать было некуда.

Он подошёл вплотную. Так близко, что Света чувствовала жар его тела, запах — вино, табак, что-то ещё, мужское, тяжёлое, от чего кружилась голова. Он смотрел на неё сверху вниз — и она не могла отвести взгляд. Стояла, вжавшись в холодильник, и смотрела в его глаза, чёрные в полумраке, блестящие, с крошечными искрами от красной лампочки вытяжки.

Он поднял руку. Медленно. Света замерла — не могла дышать, не могла пошевелиться.

Тыльной стороной ладони он провёл по её щеке. Нежно. Почти ласково. Собрал капли воды, которые ещё не высохли на коже — с подбородка, с шеи, спустился к ключицам, туда, где ложбинка между грудями начиналась под тонким кружевом рубашки.

Света вздрогнула. По телу пробежала волна мурашек — от его пальцев к позвоночнику, от позвоночника к кончикам пальцев.

— Что... — голос сорвался, превратился в шёпот, — что вы делаете?

Она не отвела взгляд. Смотрела на него, а внутри всё кипело — страх, стыд, и ещё что-то, чему она не знала названия. Что-то тёмное, запретное, что заставляло её стоять на месте, вместо того чтобы бежать.

Он поднёс палец к губам. Не торопясь. Глядя ей прямо в глаза — так, что у неё перехватило дыхание. И облизнул его. Медленно, собирая капли её воды.

— Спокойной ночи, — сказал он.

Голос низкий, хриплый, почти интимный. Как будто они были не на холодной кухне в два часа ночи, а в спальне. Как будто она сама пришла к нему. Как будто она хотела этого.

Света почувствовала, как пол уходит из-под ног. Сердце билось где-то в горле, в висках, в кончиках пальцев. Она не знала, что происходит. Не понимала себя. Почему она не убегает? Почему стоит, как приклеенная, и смотрит в его глаза, в которых читается что-то такое, от чего внутри всё

переворачивается?

Она сделала глубокий вдох — и вдруг, как кошка, потянулась мимо него к столу, схватила свой стакан и выскочила из кухни. Бегом, босиком, по холодному полу, через тёмный коридор, не оглядываясь, пока слёзы — от страха, от стыда, от непонятного ей самой возбуждения — не хлынули из глаз.

Она влетела в комнату, затворила дверь, прислонилась к ней спиной, закрыла лицо руками. Сердце колотилось так, что, казалось, разбудит мать. Но Надежда Павловна спала — усталая, тихая, ничего не подозревая.

Света стояла в темноте, прижимая стакан к груди, и чувствовала на своей щеке, на шее, на ключицах след от его пальцев. И его взгляд — тяжёлый, чёрный, раздевающий — всё ещё стоял перед глазами.

«Господи, — прошептала она одними губами. — Что со мной происходит?»

Она не знала тогда, что это только начало. Что через месяц она будет стоять в этом же коридоре, сжимая в кармане тест с двумя полосками, и вспоминать эту ночь — каждое его слово, каждое движение, его облизнутый палец и его «Спокойной ночи» — как момент, после которого её жизнь раскололась на «до» и «после».

Но сейчас она просто сползла по двери на пол, обхватила колени руками и просидела так до самого утра. Не засыпая. Думая о нём.

Глава 4

Мать отправила Свету на второй этаж — протереть пыль в библиотеке. «Только тихо, — сказала она. — Хозяин в кабинете, не ходи мимо, если не надо. Библиотека через одну дверь от него».

Света взяла тряпку, ведро с водой и поднялась наверх. Библиотека оказалась огромной — стеллажи до потолка, лестница на колёсиках, мягкие кресла у камина. Пахло старыми книгами, кожей и пылью — той самой, которую она пришла вытирать.

Она работала быстро, стараясь не задерживаться. Протёрла полки, сложила книги, которые валялись на столике, проехалась влажной тряпкой по подоконникам. Всё шло хорошо, пока она не потянулась за верхнюю полку и не зацепила рукавом край стопки фолиантов.

Книги посыпались вниз с гулким, тяжёлым стуком.

Света чертыхнулась про себя, присела на корточки, начала собирать. И в этот момент дверь библиотеки открылась.

Он стоял на пороге. В светлых брюках, тёмной рубашке с закатанными рукавами — домашний, расслабленный, но от этого не менее опасный. В руке — пустая чашка из-под кофе.

— Я думал, у нас мыши завелись, — сказал он, глядя на неё сверху вниз.

Света замерла с книгой в руках. Сердце пропустило удар,

потом забилося где-то в горле.

— Извините, — сказала она, опуская глаза. — Я случайно. Я сейчас уберу.

— Не торопись.

Он не уходил. Вошёл в библиотеку, поставил чашку на стол, подошёл к окну. Встал спиной к ней, глядя на темнеющий сад.

Света сидела на корточках, перебирая книги, и чувствовала его присутствие каждой клеткой. Воздух стал плотным, тяжёлым. Она слышала его дыхание — ровное, спокойное. И своё — прерывистое, как у загнанного зверька.

— Ты избегаешь меня, — сказал он, не оборачиваясь.

Это был не вопрос. Утверждение.

Света замерла.

— Я... нет, — выдавила она. — Я просто работаю.

— Ты работаешь в других комнатах, когда я в кабинете. Ты уходишь с кухни, когда я захожу. Ты перестала выходить во двор по утрам, — перечислил он спокойно. — Это называется «избегаю».

Она подняла голову. Он всё ещё стоял к ней спиной, но в голосе слышалась усмешка.

— Я не думала, что вы замечаете, — сказала Света тихо.

Он медленно повернулся. Посмотрел на неё — присевшую на корточки, в джинсах и простой футболке, с растрёпанными волосами, собранными в небрежный пучок. Взгляд скользнул по её лицу, задержался на губах, на шее, на клю-

чицах, которые виднелись в вырезе футболки.

— Я замечаю всё, что происходит в моём доме, — сказал он. — Особенно когда это касается красивых девушек в белых рубашках на заднем дворе.

Света вспыхнула. Щёки залило жаром, она опустила глаза, уставилась в пол.

— Я... я не знала, что вы смотрите.

— Я всегда смотрю.

Он сделал шаг к ней. Света вскочила на ноги, отступила на шаг, упёрлась спиной в стеллаж. Книги за спиной качнулись, но не упали.

Он остановился в шаге от неё. Не прикасался. Просто стоял и смотрел — так же, как тогда на балконе: голодно, тяжело, раздевая.

— Чего ты боишься? — спросил он тихо.

— Я... не боюсь.

— Врёшь.

Он поднял руку. Света сжалась, но не отшатнулась. Его пальцы коснулись её подбородка — мягко, почти невесомо. Подняли её лицо так, чтобы она смотрела на него.

— Чего ты боишься, Света? — повторил он, и его голос стал ниже, хриплее.

Она смотрела в его глаза — тёмные, глубокие, с золотыми искрами от лампы. Внутри всё дрожало: страх, стыд, и то самое тепло внизу живота, которое она пыталась заглушить.

— Я боюсь... — прошептала она. — Я боюсь, что вы мне

правитесь.

Слова вырвались сами. Она не планировала их говорить. Они вылетели из самого нутра, помимо воли, и повисли в воздухе — честные, голые, страшные.

Он замер. На секунду в его глазах мелькнуло что-то — удивление? Нежность? Света не успела понять. Потому что в следующий миг он наклонился и поцеловал её.

Это не было грубым. Не было насильственным. Он не держал её, не прижимал к стене, не сжимал в тисках. Просто — наклонился и коснулся её губ своими.

Мягко. Медленно. Так, как будто пробовал на вкус — как то вино в погребе, как ту воду, что стекала по её шее в ночной кухне.

Света не дышала. Мир вокруг исчез — библиотека, стеллажи, ведро с водой, даже время. Остались только его губы — тёплые, сухие, с горьковатым привкусом табака и кофе. И его рука — не на затылке, не на талии, а просто на её щеке, пальцы перебирают выбившуюся прядь волос.

Он поцеловал её ещё раз — чуть дольше, чуть глубже, проводя языком по её нижней губе, и Света почувствовала, как ноги становятся ватными. Она схватилась за его плечо — не отталкивая, а чтобы не упасть.

И вдруг — испугалась.

Не его. Себя. Того, как её тело плавится в его руках. Того, как низ живота пульсирует в такт сердцу. Того, что она готова — прямо здесь, прямо сейчас — на всё, что он захочет.

Она оттолкнула его. Не сильно — скорее отпрянула, оторвалась от его губ, прижала ладонь ко рту. Глаза расширенные, дыхание сбитое.

— Я... я не могу, — выдохнула она. — Не надо. Пожалуйста.

Он не двинулся с места. Стоял, опустив руки, и смотрел на неё — спокойно, без злости, без разочарования. Только в глазах — голод, который он явно с трудом сдерживал.

— Я не держу, — сказал он тихо. — Ты сама решаешь, Света.

Она смотрела на него, тяжело дыша. Футболка сбилась, открывая полоску живота. Волосы выбились из пучка. Губы припухли от поцелуя.

— Мне... мне нужно идти, — прошептала она.

И побежала.

Не оглядываясь, вылетела из библиотеки, пронеслась по коридору, слетела по лестнице, вбежала в свою комнату, захлопнула дверь. Прислонилась к ней спиной и медленно сползла на пол.

Губы горели. На языке — привкус кофе и табака. Внутри — пожар, который она не могла потушить.

Он не пошёл за ней.

Два часа спустя. Погреб.

Света спустилась за вином. Мать попросила — «гости будут, надо подать к столу». Она взяла ключ, спустилась по крутой лестнице, нашла нужную бутылку. Повернулась, что-

бы уйти.

И услышала шаги.

Он спускался. Медленно, как хищник, который не торопится, потому что уверен в своей добыче.

Света попятилась, прижалась спиной к стеллажу. Бутылки жалобно звякнули.

— Зачем вы здесь? — спросила она дрожащим голосом.

Он ничего не ответил. Подошёл вплотную. Прижал её к стене — не больно, но так, что она не могла пошевелиться. Одной рукой упёрся в стеллаж рядом с её головой, второй — скользнул по её талии.

— Ты свела меня с ума, — сказал он тихо, почти шёпотом. — С первого дня, как я тебя увидел.

Его губы коснулись её шеи — легко, невесомо. Она вздрогнула.

— Ты такая красивая, — продолжал он, целуя её шею, ключицы, поднимаясь к уху. — Такая нежная. Я не могу думать ни о чём, кроме тебя.

— Игнат Михайлович... — прошептала она, задыхаясь.

— Молчи, — он провёл пальцами по её щеке. — Дай мне сказать.

Он говорил тихо, хрипло, почти интимно. Слова лились, как мёд — тягучие, сладкие, от которых у неё кружилась голова. Он говорил, как она прекрасна, как её глаза сводят его с ума, как он не спал ночами, думая о ней.

Его рука скользнула под её футболку. Пальцы коснулись

живота — горячие, шершавые. Света вздохнула, вцепилась в его плечи.

— Я хочу тебя, — сказал он, глядя ей в глаза. — Хочу так, что готов сжечь этот дом.

Она смотрела на него, не в силах вымолвить ни слова. Внутри всё горело — страх, желание, стыд, надежда. Слишком много чувств для одного маленького тела.

— Приходи сегодня ночью, — прошептал он. — В кабинет. Я буду ждать.

Он поцеловал её в губы — коротко, почти целомудренно. Отступил на шаг. Схватил с пола бутылку вина, которую она выронила.

— Возьми, — сказал он, протягивая её. — Твоя мать ждёт.

Света взяла бутылку дрожащими руками. Вылетела из погреба, не оглядываясь.

Та же ночь. Комната Светы.

Она лежала на диване, укрывшись тонким одеялом, и смотрела в потолок. Мать спала рядом — ровно дышала, иногда вздыхала во сне. В комнате было темно, только лунный свет пробивался сквозь щель в шторах, рисуя на полу бледную полосу.

Света не спала. И знала, что не уснёт.

Перед глазами стоял он. В погребе. Как прижал её к стене. Как целовал шею. Как шептал: «Ты свела меня с ума». Его пальцы под её футболкой. Его голос, хриплый, низкий: «Я

хочу тебя».

Она коснулась своих губ — они всё ещё горели. Закрыла глаза и снова почувствовала его — тёплого, жёсткого, пахнущего кофе и табаком.

«Что со мной происходит? — думала она, переворачиваясь на бок. — Почему я не могу выбросить его из головы?»

Она знала, кто он. Хозяин дома. Богатый, властный, опасный. И всё равно — тянулась к нему. Как цветок к солнцу, которое может сжечь.

«Приходи сегодня ночью», — сказал он.

Она хотела ли этого? Она не знала. Совсем не знала. Боялась. Боялась себя, боялась его, боялась того, что может случиться.

Время тянулось бесконечно. Света смотрела на светящийся циферблат будильника на тумбочке: час ночи, половина второго, два часа. Мать спала, посапывая в подушку. Весь дом затих — даже старые половицы перестали скрипеть.

И в этот момент телефон на тумбочке завибрировал.

Света вздрогнула. Протянула руку, взяла телефон, поднесла к глазам. Экран осветил её лицо холодным белым светом.

Одно новое сообщение.

Она открыла.

«Поднимись в мой кабинет».

Сердце пропустило удар. Потом забилось часто-часто, как птица в клетке. Она смотрела на экран, перечитывая слова

снова и снова. Он написал ей. В два часа ночи.

Её пальцы дрожали, когда она набирала ответ:

«Зачем? Уже поздно».

Ответ пришёл через несколько секунд.

«Жду!»

Света уставилась на экран. Одно короткое слово. Без объяснений. Без просьб. Приказ. Но в этом «жду!» было что-то ещё — нетерпение, которое он едва сдерживал. Она чувствовала это каждой клеткой.

Она колебалась.

Сидела на диване, прижимая телефон к груди, и смотрела на спящую мать. Надежда Павловна даже не пошевелилась.

«Если я поднимусь, — подумала Света, — что-то произойдёт. Я знаю это. Что-то, после чего я не смогу быть прежней».

Света закрыла глаза. Вспомнила его поцелуй в библиотеке. Как он не держал её, не прижимал к стене, не требовал. Просто поцеловал — и отпустил. Дал ей право выбора.

«Ты сама решаешь», — сказал он.

Она открыла глаза. Посмотрела на дверь. На тёмный коридор за ней.

«Я решаю».

Она встала. Бесшумно, как тень, натянула джинсы под ночную рубашку. Волосы распущены, босиком. Сердце колотится где-то в горле.

Она выскользнула из комнаты, притворила дверь, стара-

ясь не скрипнуть.

Коридор был тёмным. Света пошла к лестнице. Каждый шаг давался с трудом — ноги дрожали, ладони вспотели. Она дважды останавливалась, думая вернуться. Но что-то — любопытство? страх? желание? — толкало её вперёд.

Лестница на второй этаж показалась бесконечной. Света поднялась, прошла мимо библиотеки — тёмной, пустой — и остановилась перед дверью кабинета.

Дверь была приоткрыта. Из щели пробивался тусклый свет.

Света подняла руку, чтобы постучать — и замерла. Пальцы дрожали.

Она сделала глубокий вдох. Ещё один. Постучала — три коротких, тихих удара.

— Войди, — раздалось изнутри.

Света толкнула дверь.

Кабинет встретил её запахом кофе, книг и табака. На столе горела настольная лампа, освещающая лишь небольшую часть комнаты. Он сидел в кресле, откинувшись на спинку. В тёмной футболке, без пиджака, босиком. Волосы чуть влажные. Глаза блестели в свете лампы.

— Закрой дверь, — сказал он.

Она закрыла. Щёлкнул замок.

— Подойди.

Света сделала шаг. Второй. Третий. Остановилась в метре от стола.

Он встал. Медленно обошёл стол. Остановился напротив — так близко, что она чувствовала тепло его тела.

— Ты пришла, — сказал он.

— Я... я не знаю, зачем, — прошептала она.

— Ты знаешь.

Она смотрела на него, не в силах отвести взгляд. Внутри всё дрожало — страх, желание, стыд, надежда.

— Я боюсь, — выдохнула она.

— Чего?

— Вас. Себя. Этого.

Он поднял руку, коснулся её щеки.

— Не бойся, — сказал он тихо. — Я не сделаю тебе больно.

— Обещаете?

— Обещаю.

Он наклонился и поцеловал её. Глубоко, жадно, как будто ждал этого всю жизнь. Одна его рука легла на её затылок, пальцы запутались в волосах. Вторая — на талию, притягивая ближе.

Света не сопротивлялась. Её руки сами обвились его шею.

Он оторвался от её губ, перевёл дыхание, посмотрел ей в глаза.

— Ты уверена? — спросил он хрипло.

— Да, — прошептала она.

— Я хочу услышать это ещё раз.

— Да, — повторила она твёрже.

Он подхватил её на руки и отнёс в глубину кабинета, где на широком кожаном диване были разбросаны пледы.

— Если захочешь остановиться, скажи, — сказал он, нависая над ней. — Одно слово — и я уйду.

Света смотрела на него снизу вверх — на его лицо, освещённое далёким светом лампы, на его глаза, в которых горело что-то тёмное и нежное одновременно.

— Не уходите, — прошептала она.

Он улыбнулся и поцеловал её снова. А потом были его руки, его губы, его шёпот на ухо — и её тихие стоны, которые она закусывала губой. Он был нежен — странно, удивительно нежен для такого человека. Гладил её по волосам, целовал веки, шептал: «Тише, тише, я здесь».

Когда всё закончилось, он лежал рядом, прижимая её к себе, и молчал. Света уткнулась носом в его плечо, чувствуя, как бьётся его сердце.

— Я не знаю, что теперь будет, — прошептала она.

— Всё будет хорошо, — ответил он. — Ты уезжаешь завтра. Забудь. А если захочешь вернуться — я буду здесь.

Она не ответила. Потому что не знала, хочет ли забыть. И не знала, хочет ли вернуться.

Но точно знала одно: этой ночью она перестала быть девочкой. И началась совсем другая история.

Глава 5

Света почти не спала. Вернулась в комнату под утро — на цыпочках, босиком, стараясь не скрипнуть половицей. Мать спала, даже не пошевелилась. Света легла на свой диван, укрылась одеялом и уставилась в потолок.

Тело ныло — приятно, по-новому, напоминая о том, что случилось в кабинете. Его руки, его губы, его шёпот: «Тише, я здесь». Она трогала свои губы — они всё ещё горели. И внутри всё трепетало от воспоминаний.

Она не спала ни минуты. Но усталости не чувствовала — только странное, лихорадочное возбуждение, смешанное с тревогой.

«Что теперь будет? — думала она. — Увижу ли я его сегодня? Что он скажет?»

Она ждала утра с нетерпением и страхом одновременно.

Когда за окном начало светать, Света не выдержала. Встала, оделась — чистая футболка, джинсы, волосы расчесала и оставила распущенными, как он любил. Она не хотела себе признаваться, что делает это для него. Но знала — да. Для него.

Мать уже ушла на кухню. Света выскользнула из комнаты и направилась в гостиную — он часто завтракал там по утрам, пил кофе, читал новости. Может, она пройдёт мимо, посмотрит на него, увидит в его глазах то же, что ночью —

тепло, желание, нежность.

Она зашла в гостиную.

Он сидел в кресле у окна. В светлом свитере, с чашкой кофе в руке, телефон — в другой. Свежий, выбритый, пахнущий дорогим одеколоном. Такой же, как всегда.

И никакой.

Он поднял взгляд на секунду — скучающий, равнодушный, как будто она была не женщиной, с которой он провёл ночь, а столом, стулом, лампой. Мебелью.

— Доброе утро, — сказала она тихо, сама не зная, зачем.

Он кивнул. Один короткий кивок — и снова уткнулся в телефон. Палец скользил по экрану, брови чуть нахмурены — он что-то читал, кого-то просматривал. Но не её.

Не её.

Света стояла как громом поражённая. Внутри что-то обрывалось — упало вниз, в пустоту, больно ударились. Вчера он смотрел на неё так, будто она была единственной женщиной на земле. Сегодня — будто её вообще не существовало.

Она проглотила ком в горле. Молча развернулась и вышла из гостиной. Не побежала — пошла медленно, ровно, чувствуя, как каждая клетка тела кричит от унижения.

«Он что, забыл? — пронеслось в голове. — Ему всё равно? Меня вообще нет?»

Она зашла в комнату, закрыла дверь и прислонилась к ней лбом.

— Ну и ладно, — прошептала она себе. — Ну и ладно.

Я же не ждала предложения. Не ждала, что он побежит за мной с цветами. Но чтобы так... чтобы пустота...

Она не закончила мысль. Потому что внутри поднималась волна — обида, стыд, и какое-то глухое, беспомощное отчаяние.

Она начала собирать вещи. Рюкзак стоял в углу — она вытряхнула его, проверила, всё ли на месте. Джинсы, футболки, нижнее бельё, туалетные принадлежности. Немного. Всё её богатство.

Мать заходила, выходила — что-то говорила про завтрак, про то, что надо бы переглядить скатерти, про то, что вечером она может ехать на вокзал. Света кивала, не слыша ни слова. Голова была занята другим — его взглядом. Пустым. Равнодушным.

— Дочка, ты чего такая бледная? — спросила Надежда Павловна, останавливаясь в дверях. — Не заболела?

— Нет, мам. Всё нормально. Просто не выспалась.

— Ну, сегодня рано ляжешь. Завтра уже в общежитии будешь, там шумно, не выспишься.

Света кивнула. Мать ушла.

А Света всё смотрела в стену и не могла понять одного: почему в его глазах было презрение? Пустота? Она что-то сделала не так? Вчера он был другим — нежным, почти ласковым. Гладил её по волосам, целовал веки, шептал: «Тише, я здесь». И сегодня — будто она грязь под ногами.

— Нет, — сказала она себе. — Я должна спросить. Я

должна понять.

Она вышла из комнаты и направилась к лестнице. Сердце колотилось — но теперь не от влюблённости, а от обиды и злости. Она имела право знать. Хотя бы это.

На втором этаже она увидела, что дверь кабинета приоткрыта. Изнутри доносились голоса — его и чужой, мужской, с лёгкой хрипотцой.

Света замерла. Затаила дыхание. Она не собиралась подслушивать — просто остановилась, собираясь постучать. Но голоса были такими близкими, и она невольно услышала.

— Ты чего такой сонный? — спрашивал гость, смеясь. — Бурная ночь?

Пауза. Потом голос Игната — усмешка, негромкая, ленивая:

— Можно и так сказать.

Сердце Светы пропустило удар. Она замерла как вкопанная.

— О, — протянул гость, явно заинтересованный. — И кто же? Та блондинка вернулась? Или новая?

— Заметил я одного зверька, — голос Игната был спокойным, почти равнодушным. — Глаза горели. Вот и попробовал на вкус.

Зверёк. Она — зверёк. У которого глаза горели. Которого он попробовал на вкус.

Света прижала ладонь ко рту, чтобы не вскрикнуть. Глаза защипало, но слёзы пока не приходили — только удуша-

ющий ком в горле.

Гость засмеялся — громко, раскатисто.
— И что? Оно того стоило? Оправдало?

Пауза. Света слышала, как скрипнуло кресло — он, наконец, откинулся назад, расслабился.

— Как тебе сказать... — голос Игната звучал с лёгкой, почти скупающей усмешкой.

Они оба засмеялись. Дружно, по-свойски, как мужчины, которые обсуждают женщину за её спиной.

Света стояла в коридоре, и земля уходила из-под ног. Она никогда — никогда в жизни — не думала, что её первый мужчина будет говорить о ней вот так. Не «она была прекрасна», не «мне повезло», даже не «это было ошибкой». А «зверёк», «попробовал на вкус», и этот смех — унижительный, циничный, сводящий всё, что было между ними, к какому-то животному акту.

Внутри всё вспыхнуло. Гнев — горячий, ослепляющий. Ярость — на него, на себя, на этот дом, на всю эту чёртову жизнь. Сожаление — такое острое, что заныло в груди. И стыд — липкий, мерзкий, за то, что она пришла к нему сама. Сама. Сказала «да». Позволила.

— Света!

Она вздрогнула всем телом. Обернулась.

За её спиной стояла Зоя — с охапкой чистых полотенец в руках, глаза широко раскрыты, на лице — испуг.

— Ты чего? Я зову, зову, а ты не слышишь...

— Я... — Света не успела договорить.

Из кабинета донёлся голос Игната — резкий, твёрдый, уже не ленивый, а внимательный:

— Кто там?

Света не знала, что делать. Стояла, как замороженная, не в силах пошевелиться. Зоя оказалась быстрее — шагнула к приоткрытой двери, толкнула её пошире, ровно настолько, чтобы он увидел обеих.

— Извините, Игнат Михайлович, — затараторила Зоя, прижимая полотенца к груди. — Это я, Зоя. И Света — дочка Надежды Павловны. Она ударилась, вот и вскрикнула. Вам что-то принести?

Света стояла чуть позади, опустил глаза в пол. Она не могла поднять взгляд. Знала — если сейчас посмотрит на него, слёзы хлынут, и все увидят. Все поймут. Поймут, что это она — та самая, тот «зверёк». И стыд станет ещё невыносимее.

— Всё в порядке? — спросил он.

Голос — ровный, спокойный, без намёка на то, что они говорили минуту назад. В нём не было ни насмешки, ни интереса, ни даже простого человеческого участия. Просто — дежурный вопрос хозяина прислуге.

— Да, — выдавила Света, не поднимая глаз. — Извините.

Она развернулась и пошла — быстрыми, почти бегущими шагами, сжимая кулаки так, что ногти впивались в ладони. Боль помогала не разреветься. Пока помогала.

За спиной — тишина. Он ничего не сказал ей вслед. Не

позвал. Не попытался объяснить.

Просто — ничего.

Света слетела с лестницы, пронеслась мимо кухни, влетела в комнату, захлопнула дверь. Села на диван, обхватила себя руками и закрыла глаза.

Слёзы пришли не сразу. Сначала — пустота. Огромная, звенящая пустота внутри, как будто из неё вынули что-то важное, оставив только холод и гулкую тишину.

Потом — боль. Тупая, тянущая, под ложечкой. И следом — слёзы. Тихие, беззвучные, которые она не вытирала, потому что не было сил.

Она сидела так, пока не услышала шаги матери.

— Света? — Надежда Павловна заглянула в комнату. — Ты чего? Опять не выпалась?

— Мам, — Света подняла на неё красные глаза, — можно я уеду сегодня? Прямо сейчас?

— Так вечером же поезд...

— Я на вокзале подожду. Пожалуйста. Я не могу здесь больше оставаться.

Надежда Павловна посмотрела на неё долгим, изучающим взглядом. Хотела спросить — но не спросила. Только вздохнула и кивнула.

— Ладно, дочка. Как хочешь.

Она помогла Свете собрать рюкзак, сунула в карман куртки немного денег, обняла на прощание у калитки — крепко, по-матерински.

— Ты это... — мать запнулась. — Если что — звони. Я приеду.

— Хорошо, мам. — Света поцеловала её в щёку и вышла за ворота.

Она не оглядывалась. Не посмотрела на окна второго этажа — боялась увидеть его снова. С пустыми глазами. С этой его усмешкой.

Она просто шла. Быстро, почти бегом, в сторону вокзала, в сторону новой жизни, в которой не было места ни ему, ни его взглядам, ни его «зверькам».

Но внутри, глубоко-глубоко, уже росло то, что напугает её об этой ночи. Через месяц. Когда она купит тест. И увидит две полоски.

И вспомнит всё.

Глава 6

Отъезд. Вокзал.

Света вышла за ворота особняка и не оглянулась. Боялась, что если посмотрит — увидит его у окна, как в прошлый раз. Или не увидит. И то и другое было невыносимо.

Она шла быстрым шагом, потом перешла на бег — прочь от кованых ворот, от мраморных полов, от запаха его парфюма, который, казалось, вьелся в её волосы, в кожу, в лёгкие.

На вокзале она купила билет. Два часа езды — и она в городе. В новом общежитии. В новой жизни.

Она села на скамейку в зале ожидания, прижала рюкзак к груди и уставилась в одну точку. Люди проходили мимо, объявления гремели из динамиков, где-то плакал ребёнок. А она сидела и чувствовала, как внутри всё кипит — обида, злость, стыд.

Никто за ней не пошёл. Никто не позвонил, не написал. Он даже не вышел на крыльцо посмотреть, как она уходит. Просто — ничего.

«Зверёк, — повторила она про себя. — У которого глаза горели. Попробовал на вкус».

Слёзы снова подступили к горлу, но она сдержалась. Выпила воды из фонтанчика, умылась холодной водой в туалете. Посмотрела на себя в зеркало — бледная, растрёпанная, глаза красные.

— Ты справишься, — сказала она своему отражению. — Ты сильная. Ты из Горюхино. Ты не пропадёшь.

Поезд подали ровно по расписанию. Света села у окна, положила рюкзак на колени и смотрела, как за стеклом проплывают перрон, здание вокзала, пригородные домики, поля, леса. Два часа — не так много. Но ей казалось, что она едет целую вечность. Туда, где не будет его. Где не будет этого жгучего, унижительного, сладкого ада.

Она достала телефон. Открыла сообщения.

Последнее — его: «Жду!»

Он написал это вчера ночью. А сегодня утром смотрел на неё как на мебель.

Света зависла. Палец навис над кнопкой «удалить». Одно движение — и всё исчезнет. Номер, сообщения, напоминание о том, какой она была дурой.

Она не нажала.

Убрала телефон в карман. Не для того, чтобы оставить надежду. А чтобы помнить. Чтобы не забыть, как взрослый, состоявшийся мужчина обошёлся с ней. Чтобы в следующий раз, когда кто-то посмотрит на неё с вожделением, она вспомнила этот взгляд — пустой, равнодушный, утренний. И не подпустила никого близко.

«Это будет моим напоминанием, — решила она. — Моей прививкой».

Общежитие. Первые дни.

Город встретил её суетой, гудками машин и серыми мно-

гоэтажками. Общежитие оказалось старым, обшарпанным, с запахом капусты и сырости в коридорах. Комната на четверых — железные кровати, тумбочки, платяной шкаф на всех.

Свете досталась верхняя койка у окна. Она постелила привезённое с собой бельё, разложила вещи, поставила на подоконник маленькую герань, которую мать сунула в пакет на прощание («Чтоб домом пахло»).

Соседки по комнате — три девушки из таких же маленьких городов, как её. Глафира из Сосновки — высокая, худая, с вечно испуганными глазами. Лена из Зареченска — молчаливая, с книжкой в руках. И Аня — из областного центра, бойкая, с короткой стрижкой и звонким смехом, которая первой подошла к Свете, протянула руку и сказала: «Давай дружить, а то эти две вороны только и умеют, что в телефоны пялиться».

Света улыбнулась. Первый раз за несколько дней.

— Давай, — сказала она.

Аня оказалась той ещё зажигалкой. Водила Свету по городу, показывала, где дешёвый супермаркет, где лучшие пирожки, где можно недорого перекусить. Рассказывала про парня — Лёшу, с которым встречалась уже год. Показывала его фото: симпатичный, улыбчивый, с лёгкой небритостью и добрыми глазами.

— Он местный, — говорила Аня. — В институте учится. На следующей неделе познакомлю.

Света кивала, улыбалась, но внутри всё ныло. Не так, как

в первые дни — остро, невыносимо. А глухо, фоновое, как зуб, который болит, но терпится.

Она проверяла телефон. Часто. Слишком часто. Открывала сообщения, смотрела на его «Жду!», потом закрывала, убирала в карман.

«Напоминание, — твердила она себе. — Это просто напоминание, чтобы не забыть».

Но глубоко внутри, там, где она боялась копаться, теплилась глупая, постыдная надежда: а вдруг? Вдруг он напишет? Вдруг приедет? Вдруг скажет, что это был не он? Что он не это имел в виду?

Он не писал.

Проходили дни. Неделя. Вторая.

Света почти привыкла к новой жизни. Пары, домашние задания, очередь в душ по утрам, чай с Аней по вечерам, разговоры о парнях, о будущем, о том, кто кем хочет стать. Она почти забыла его лицо. Почти.

На третьей неделе она выглянула в окно.

Третья неделя. Общежитие. Утро.

Света стояла у окна с чашкой чая и смотрела во двор. Было пасмурно, собирался дождь, студенты бежали кто на пары, кто в столовую.

И вдруг — она замерла.

У входа в общежитие, припаркованная у самого бордюра, стояла чёрная машина. Большая, дорогая, с тонированными стёклами. Очень знакомая.

Сердце пропустило удар.

«Не может быть, — подумала Света. — Просто похожая. Таких машин в городе много».

Но что-то внутри сжалось в тугой комок. Та же марка. Тот же цвет. Даже номер — она не могла разглядеть с четвёртого этажа, но силуэт... силуэт был до боли знаком.

Она поставила чашку на подоконник, натянула джинсы, толстовку, сунула ноги в кроссовки. Вышла из комнаты, спустилась по лестнице — сердце колотилось где-то в горле.

«Не он. Это не он. Ему незачем сюда приезжать. Он забыл меня. Я для него — ничто».

Она толкнула тяжёлую дверь общежития и вышла на крыльцо.

И остановилась.

У машины, прислонившись к капоту, стоял мужчина. Высокий, широкоплечий, в тёмном пальто. Не водитель. Не охранник. Сам.

Игнат Михайлович.

Он не видел её — смотрел в телефон, что-то листал, нахмутив брови. Такой же, как тогда в гостиную — скучающий, отстранённый, чужой.

Света побелела. Кровь отхлынула от лица, ноги стали ватными. Она стояла на верхней ступеньке, вцепившись в перила, и не могла пошевелиться.

— Света? — раздалось сбоку. — Ты чего?

Аня вышла следом, с рюкзаком за плечом. Посмотрела на

подругу, на её лицо — белое как мел, глаза расширенные, губы дрожат. Потом проследила за её взглядом — увидела чёрную машину, мужчину у капота.

— Что случилось? — спросила Аня, хватая Свету за локоть. — Ты кого там увидела?

— Аня, — голос Светы дрожал, она говорила шёпотом, боясь, что он услышит. — Можно... можно попросить тебя об одной очень странной услуге?

— Валяй.

— Вон там, — Света кивнула в сторону машины, — мужчина. Богатый. Опасный. Он... он не даёт мне прохода. Я не хочу с ним разговаривать. Не хочу, чтобы он ко мне подходил. Можно я позаимствую твоего парня? Пожалуйста. Пусть он притворится моим. На пару минут. Чтобы он отстал.

Аня посмотрела на неё, на мужчину у машины, снова на Свету. В глазах мелькнуло понимание — не всё, но достаточно, чтобы не задавать лишних вопросов.

— Лёша! — крикнула она, не оборачиваясь.

Парень, который до этого стоял в трёх шагах, уткнувшись в телефон, поднял голову. Невысокий, крепкий, с добрым лицом и внимательными глазами.

— Чего?

— Ты слышал? — Аня кивнула на Свету.

Лёша перевёл взгляд на побледневшую девушку, потом на машину, потом снова на Аню. Поднял бровь.

— Серьёзно?

— Поможешь? — спросила Света, и голос её сорвался.

Лёша посмотрел на неё секунду, другую. Потом пожал плечами и усмехнулся — не зло, скорее с одобрением.

— Ладно. Только условие, — сказал он, подходя ближе. — Ты будешь вести себя очень весело и смеяться моим шуткам. Чтобы он поверил.

— Хорошо, — выдохнула Света. — Всё, что скажешь.

Лёша кивнул Ане, та отступила в сторону, подбадривающе сжала Свете руку.

— Не смотри в его сторону, — сказал Лёша, вставая рядом со Светой и легко закидывая руку ей на плечо. — Если случайно согласишься — отведи глаза. Быстро. Как от грязи.

— Поняла, — Света сглотнула. — Спасибо вам. Обоим.

— Пошли, — сказал Лёша и повёл её вперёд, по ступенькам вниз, к дороге.

Они шли мимо чёрной машины. Света чувствовала на себе его взгляд — тяжёлый, прожигающий. Она не смотрела в ту сторону. Смотрела на Лёшу, улыбалась — слишком широко, слишком нервно, смеялась его шуткам, которых не слышала, кивала, что-то говорила, не понимая что.

Они почти прошли.

— Света.

Голос — низкий, властный — ударил в спину. Она замерла на секунду, но Лёша легонько сжал её плечо, удерживая на месте.

— Не останавливайся, — прошептал он. — Иди.

Они сделали ещё несколько шагов. И тут перед ними вырос водитель — тот самый, который вёз её той ночью. Высокий, плечистый, в чёрной куртке.

— Света, — сказал он вежливо, но твёрдо. — Игнат Михайлович хочет с вами поговорить.

Света остановилась. Лёша встал рядом, не убирая руки с её плеча.

Она посмотрела на водителя. Потом — через его плечо, на него. Игнат стоял у капота, сложив руки на груди, и смотрел на неё. На них. На Лёшу, который обнимал её за плечи. Его лицо было непроницаемым — как каменная маска. Но глаза... в глазах что-то мелькнуло. Света не поняла что — она отвела взгляд, как велел Лёша. Быстро. Как от грязи.

— Извините, — сказала она водителю, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Мой парень очень ревнивый. Думаю, он не так поймёт, если я пойду разговаривать с другим мужчиной.

Она подняла голову, посмотрела Лёше в глаза и улыбнулась — на этот раз почти натурально. Лёша понял, усмехнулся и легонько потянул её за плечо.

— Пошли, мелочь, — сказал он громко, чтобы все слышали. — Опоздаем.

Они обошли водителя и пошли дальше. Света чувствовала спиной его взгляд — тяжёлый, как свинцовое одеяло. Но не обернулась. Не посмотрела.

Они дошли до припаркованной неподалёку старой «Лады» Лёши, сели в неё, хлопнули дверью. Света закрыла глаза и выдохнула — глубоко, судорожно.

— Молодец, — сказал Лёша, заводя двигатель. — Держалась.

— Спасибо, — выдохнула она. — Спасибо тебе. И Ане спасибо.

Он кивнул, вырулил со стоянки и поехал в сторону города. Света смотрела в боковое зеркало — чёрная машина осталась стоять у общежития. Игнат стоял на том же месте, глядя им вслед. Потом достал телефон, что-то набрал и убрал в карман.

Света перевела взгляд на дорогу.

В кармане её джинсов завибрировал телефон.

Она достала, посмотрела на экран.

Одно новое сообщение. От него.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.